

Признание

8/05/2000

Прийдя на работу, я сразу же увидел, что моя информационная ячейка светится номером « 18 ». Все ясно, и можно в комнату 18 и не идти, и не звонить, я и так и знаю, о чем будет идти речь: я не заполнил свой цветочный участок.

Как и всем служащим ООН, мне ежегодно отводят в подвале Секретариата два участка - один под огород, второй - для цветов. При этом часть подвала по-прежнему используется как подземный гараж, которым я больше не пользуюсь. Мой «огородный»участок я засеял травой, это разрешается, и здесь ко мне претензий быть не может. А вот про «цветочный» я забыл.

Спустившись после работы в подвал и найдя участок, отведённый для нашей службы, я сразу увидел мой «зияющий» пробел: две пустые пластмассовые кадки среди «моря» цветов. Мне стало стыдно. Раньше, когда я пользовался гаражом, я никогда не забывал вовремя высаживать цветы и регулярно следил за участком.

Рядом с пустыми горшками я заметил чью-то рассаду в маленьких пластиковых баночках.

Такой же олух, как и я, видно, забыл про неё, и молоденькие цветочки уже почти засохли. Нужно срочно было поставить их под краники на трубах, проходивших под потолком. Я подцепил баночки на проволочных крючках к трубе и приоткрыл вентиль. К моему удивлению, вода не полилась, а послышался шип, и баночки наполнились каким-то паром или дымом, а затем цветочки в них воспламенились и стали похожими на фитильки. Огонёк фитильков стал втягиваться через поливальные отверстия в трубу, и вскоре по всему подвалу пошёл гул как от хорошо разогретшейся печи.

Я огляделся по сторонам: в соседнем секторе бегали охранники, тревожно размахивая руками. Мой коллега Серёжа Михеев, только что въехавший в гараж, разворачивался обратно на выезд. Проезжая мимо меня, он приоткрыл окно и выкрикнул: «Дуй отсюда, старик, щас так пизданёт - пол-Манхэттена снесёт!»

Я побежал к выходу. Почему Серёжа не предложил мне сесть к нему в машину? Он ведь знает, что я больше не пользуюсь автомобилем. Ещё и в рифму говорить стал...

Гул усиливался. Господи, что же произошло? Неужели я открыл вентиль на трубе, по которой идёт газ? Тогда неизбежен взрыв - взрыв страшной силы.

Я бегу к выходу.

Почему медлят охранники? Они должны были немедленно дать тревогу и начать эвакуацию здания.

Господи, здесь же тридцать с лишним этажей!

А моя служба? Она ведь тоже в подвальном помещении, её потом не раскопаешь!

Но я не могу никого предупредить: рядом нет ни одного телефона, к тому же я боюсь, очень боюсь, что этот нарастающий в трубах гул наконец перейдёт во взрыв, и я никогда - никогда! - не выберусь отсюда!

Но, может, все обойдётся? Может быть, гул стихнет - сработает какая-нибудь защита, здесь, в конце концов, дипломаты всего мира, Генеральный Секретарь ООН - и страшный огонь съёжится и вернётся в цветочек-фитилёк и погаснет, выпустив только дымок?

Может быть, я все-таки не стану убийцей многих-многих людей?

Вот и выход - охранника в будке уже нет - быстрее наружу!

Бегу по 49-й к 1-й авеню. Нет, я не хочу это видеть и слышать! Я хочу всё вернуть назад! Выбежав на 1-ю авеню, я замираю. Взрыв раздаётся такой силы, что моментально становится немым. Я вижу целые этажи, обрывающиеся вниз, охваченные огнём. Люди, потеряв пол под ногами, падают, их так много - как растревоженных тараканов! Боже, как я могу так думать! Но ведь их всех должны были эвакуировать! Почему, почему они все остались?

Я вижу, как с высокого этажа летит письменный стол, за которым сидит женщина, я даже могу разобрать черты её лица. Скорее всего, она - филиппинка, кажется, я её видел раньше в бухгалтерии, она даже не кричит, но её глаза наполнены ужасом! Но всё ещё только начинается. Здание ещё должно рухнуть, и когда оно рухнет, оно накроет целый квартал.

Слева от меня звучит французская речь. Туристы. Нащелкают сейчас фотки, будет что показать дома.

« Quelques précipitations... précipitations dans l'après-midi... »

Причём здесь осадки? И этот сильный квебекский акцент: « précipitations à Montréal dans l'après-midi ». Неужели даже сейчас, в Нью-Йорке, перед взорванной и горящей ООН, перед летящими вниз филиппинками, сидящими за письменными столами, все, что могут обсуждать эти картавые квебекуа, - это возможный дождик в Монреале...после обеда?

Я пытаюсь удалиться от туристов, но они не отходят от меня ни на шаг. Их голоса становятся все громче. Теперь я слышу не только про осадки, но и про температуру в Монреале - и днём, и ночью, и утром, и вечером.

What's wrong with these people?

Они больше не смотрят на пылающую ООН, они смотрят только на меня, они - злые, эти квебекцы, они, наверное, знают, что всему виной - я. Они знают, что я плохо понимаю квебекский акцент, и от этого злятся ещё больше и всё кричат, кричат про осадки и температуру.

Я должен уйти от них. Для этого я должен встать - боже, ведь я лежу, может, я ранен? - но очень, очень хочется ещё полежать, и если дотянется рука, я с таким удовольствием вырублю это грёбанное квебекское радио-будильник, которое включилось, как я, собственно, этого и хотел, ровно в 7:30 минут - чтобы успеть принять душ, побриться, одеться, позавтракать и пойти на работу - переводить для экспертов по вопросам климата, собравшихся на свою конференцию в Монреале.

11.09.2001

- Папа, ты дома?

- Да, Митюша.

- Ты не поехал на работу?

- Нет, я утром не работаю. А что такое?

- Не надо ехать на Манхэттен. Нас всех в школе собрали в спортзале, и мы смотрим телевизор. Включи телевизор, папа.

Я включаю телевизор.

Я уже видел это.

Год и три месяца тому назад

P.S

Свой сон я записал в гостинице в Монреале в тетрадку, от руки. Компьютера не было, на котором файл был бы неопровержимо датирован.

Можно и не верить